

ВОЛШЕБНЫЙ КЛЮЧ К ГУГУЦЭ

Наши интервью

Самое знаменитое создание известного молдавского писателя Спиридона Вангели — мальчик Гугуцэ. Сорок историй о нем изданы на 32 языках народов мира. За книги о Гугуцэ С. Вангели удостоен Государственной премии республики и Международной премии — почетного диплома Х.-К. Андерсена. Чем вызвана такая стойкая, такая протяженная в рассказах и во времени писательская привязанность? С этого вопроса и началась наша беседа с участником Всесоюзной недели детской и юношеской книги С. Вангели.

— Если позволите, я начну несколько издалека. Наверное, каждый из нас, взрослых, будучи ребенком, сожалел, что его родители и просто посторонние взрослые давали ему слишком мало свободы, возможностей «развернуться». Будучи детьми, мы думали, что стоит только нам стать взрослыми, как наши дети с нашей помощью получат эту свободу в избытке. Увы, такого не происходило. И вот однажды я подумал: как же осуществить детские надежды не для одного-двух, а для многих ребят? Думал-думал, а потом сел и написал первые истории про Гугуцэ.

Почему я так люблю писать о нем и никак не могу с ним расстаться? Видимо, именно потому, что Гугуцэ — это мальчик, которым я старался быть в детстве и который до сих пор остался у меня в душе.

— Хотя ваш герой очень молод, он почти в любой истории проявляет завидную самостоятельность, сообразительность, уважительность. И все в ваших историях всерьез, никакого сюсюканья и поглаживания по отношению к Гугуцэ. Наверное, где-то здесь и кроется секрет вашего подхода к нему?

— Как много взрослых относятся к детям снисходительно и небрежно... А ведь ребенок — не кандидат в предстолующую, взрослую жизнь, не будущий человек, а уже человек, жаждущий по-взрослому разобраться в окружающей действительности. Я уверен и пытаюсь это доказать теми

же рассказами о Гугуцэ, что нет отдельно маленького, для детей, мира и мира большого для взрослых. Есть один мир, для всех живущих в нем, и нам надо прочнее связывать детей с ним, с его заботами и секретами. Надо всячески уважать в каждом ребенке его достоинство, поддерживать в нем чувство ответственности за происходящее. Детей надо принимать только всерьез, что я и стараюсь делать, берясь за каждую историю о Гугуцэ. Более того, через него я передаю свое отношение к людям, к прекрасному, к тому, в общем, чем я живу.

— Когда речь заходит о детском писателе и его юных героях, возникает неизбежный вопрос о форме произведения. о способах лучшего донесения до детей волнующих автора мыслей...

— Этому вопросу я придаю особую важность и позволю привести здесь сравнение. Всякий писатель располагает некоей собственной писательской «мельницей», на которой намалывает некую философскую, содержательную муку. Для взрослых достаточно испечь из нее обыкновенный хлеб — человек будет сыт. А дети, ведь они намеряка предпугнут испеченные из той же муки фигурные крендели, калачи, что-то, короче, заманчивое и необычное. Важна особая форма разговора с юными читателями. В нем нетерпима скучная назидательность. Мораль, конечно, важнейшая штука, но если она напротив выпирает из ткани рассказа, а не вытекает подспудно из его сути, тогда польза от него минимальна.

— Время идет, а ваш Гугуцэ остается столь же юным, как и при своем книжном рождении. Может, он все же собирается вырасти?

— Нет. Гугуцэ — это само детство, и он, в чем твердо уверен я, его родитель, должен остаться вечным ребенком. Остаться в том возрасте (примерно шесть-девять лет),

когда формируется личность, характер, мужчина.

— Гугуцэ, без сомнения, очень популярная фигура у ваших юных земляков?

— Что да, то да. Причем буквально в каждой школе, в каждом селе находится свой Гугуцэ, и о нем с гордостью и доброй улыбкой говорят мне ребята при встречах с ним. Как правило, это самый смелый, самый энергичный и непоседливый паренек.

— В своем творчестве вы разрабатываете только тему Гугуцэ или у вас есть еще какой-то любимый персонаж?

— Недавно вышла моя книжка «Звезда мальчика Чубо». Чубо — полусказочный, полуреальный герой, он примерно вдвое моложе Гугуцэ. В 22 историях не столько я рассказываю о Чубо, сколько он рассказывает о других. Эти другие — практически любые существа, в том числе и неодушевленные. Если попытаться сформулировать подход Чубо к окружающему нашим с вами, а не детским языком, то Чубо уверен, что самое главное в природе — это всеобщее братство, теснейшее переплетение, взаимопроникновение каждой ее частицы. Чубо — синкретист, он воспринимает мир в упительном и неразсторжимом единстве с ним. Я очень люблю моего Чубо...

— В общем, о каких бы смешных и фантастических вещах ни писалось в детской литературе, она — возможность для очень серьезного, объемного показа героев и событий?

— Безусловно. Детская литература, как и всякая другая литература, — тоже зеркало эпохи. Точный хронометр времени. Детская литература — не песок, где играют дети и где после их игр ничего не остается. Она — волшебный ключ, умеючи пользуясь которым, можно открывать самые заветные двери детской психологии и тактично воздействовать на нее — конечно, только в лучшую, гуманную сторону. Лишь абсолютная уверенность в правильности этой мысли дает мне силы для писательской работы.

Интервью взял
К. КОСТИН.

Самым известным "Джентльменом", 1981, 24 марта